

Григорий Юдин

Роберт Джервис. Восприятие и неверное восприятие в международной политике. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2022. 648 с. ISBN 9785604536247.

Григорий Юдин, Центр исторических исследований имени Шелби Каллома Дэвиса, Принстонский университет, США. greg.yudin@princeton.edu.

Роберт Джервис (1940–2021), классик теории международных отношений, находит дорогу к русскоязычному читателю. Это серьезное событие, если иметь в виду влияние Джервиса в своей области. Джервис стал одним из самых цитируемых авторов дисциплины благодаря тому, что скомбинировал теорию международных отношений с когнитивной психологией. Это позволило объяснить, каким образом государственные деятели принимают ключевые внешнеполитические решения. Основная работа, в которой он изложил свой подход, – «Восприятие и неверное восприятие в международной политике» (Perception and Misperception in International Politics).

Первое издание книги вышло в 1976 году, в период беспрецедентных открытий в когнитивистике. В 1974 году Даниэль Канеман и Амос Тверски выпустили знаменитую статью о когнитивных ограничениях суждений в условиях неопределенности (Tversky and Kahneman 1974), и в целом этот период в социальных науках проходил под сильным влиянием работ Герберта Саймона об ограниченной рациональности (Simon 1955). Эти прорывные исследования позволили Джервису серьезно модифицировать доминировавший теоретико-игровой подход к анализу стратегических взаимодействий между государствами, разработанный экономистом Томасом Шеллингом (Schelling 1960). Джервис первым последовательно задался вопросом, как восприятие влияет на внешнеполитические решения, принимаемые государственными деятелями. Что, если эти решения зачастую объясняются неверным восприятием намерений других государств? Ведь политические лидеры – тоже люди и также имеют когнитивные ограничения.

Джервис начинает книгу с последовательного доказательства того, что в международных отношениях для принимающих решения деятелей важна информация о намерениях других – иными словами, что структурная ситуация, в которой находится партнер, не вполне определяет его поведение. Предельным выражением этого обстоятельства является так называемая дилемма безопасности: в то время как сторонники тактики сдерживания считают, что в ответ на усиление противника всегда надо давать отпор, чтобы не дать ему почувствовать безнаказанность, адепты «теории спирали» полагают, что такой подход только закручивает воронку эскалации даже в условиях, когда обе стороны на самом деле хотят мира (с. 207–208). Выйти из этого парадокса невозможно, если не добиться верного понимания намерений оппонента, а значит, крайне важно, как лидеры государств оценивают действия других акторов.

Основную часть книги занимает разбор когнитивных механизмов, которые определяют восприятие в международной политике и обуславливают принятие решений. Книга изобилует примерами, хотя Джервис признает методологическую

проблему: чтобы понять, как актер А воспринимает актора В, нам также придется воспользоваться собственным восприятием ситуации, и в значительном числе случаев у нас нет информации о том, каким было восприятие и как именно оно повлияло на поведение. Здесь обнаруживается одно из важных ограничений избранного подхода: хотя Джервис настаивает на том, что описывает устройство процессов восприятия в больших государственных машинах, на деле они часто сводятся к сознанию конкретных индивидов, принимающих решения. Впрочем, автор выбирает для иллюстрации только те кейсы, где о восприятии и его связи с поведением есть объективные свидетельства. Разумеется, можно спорить об адекватности описаний конкретных кейсов, однако задача книги состоит в том, чтобы показать общие принципы мышления, и для нее такой материал выглядит адекватным.

В книге описан ряд ключевых когнитивных механизмов, серьезно определяющих поведение людей вообще и принимающих внешнеполитические решения лиц в частности. Это стремление к согласованности убеждений: мы склонны вписывать поведение других в заранее сформированные представления о них. Это влияние наших текущих мыслей и забот на восприятие: мы оцениваем происходящее через призму того, что нас беспокоит в данный момент, даже если поведение других людей не имеет к этому никакого отношения. Это воздействие предыдущих исторических событий: классический пример – влияние уроков, извлеченных из последней войны, на поведение в связи с возможной новой войной или в ходе новой войны. Это ригидность наших убеждений: даже когда мы сталкиваемся с фактами, которые заставляют нас пересмотреть картину мира, мы предпочитаем корректировать мелочи и крайне редко ставим под сомнение базовые элементы мировоззрения. Каждый из этих когнитивных принципов Джервис разбирает в отдельной главе.

Все эти процессы ведут к ошибкам в восприятии намерений другого, и такие ошибки носят не случайный характер, а подлежат ясной категоризации. Во-первых, во внешнеполитических вопросах государственные деятели склонны приписывать оппонентам избыточную централизацию: все наблюдаемое поведение объясняется единым согласованным замыслом, а не внутренними разногласиями или отсутствием стратегии. Результатом становится параноидальное мышление, ведь все до такой степени боятся упустить коварный заговор, что принимают за хитрый план обыкновенную неразбериху: Джервис вспоминает анекдот о том, как Меттерних, узнав о внезапной смерти российского посла, сказал: «Интересно, почему он это сделал?» (с. 521). Во-вторых, политики склонны считать, что они занимают центральное место в планах других. Наблюдаемое действие каждый интерпретирует так, как если бы оно было направлено на него, хотя очевидно, что далеко не всегда это так. В-третьих, во внешнеполитических решениях значительную роль играет избегание когнитивного диссонанса. Эти решения не только руководствуются определенными (зачастую искаженными) восприятиями, но и сами ретроспективно меняют представления политиков так, чтобы задним числом оправдать принятое решение. Решение о начале войны, к которому политик чувствует себя причастным, заставит его переосмыслить предыдущие действия врага: то, что ранее казалось безобидным или неоднозначным, будет восприниматься как откровенно злонамеренное. Это, в свою очередь, будет определять дальнейшие поступки.

Данный подход позволяет сформулировать ряд рекомендаций для того, чтобы избегать влияния неверной оценки ситуации на принятие решений. Джервис подчеркивает: чтобы не попасться в сети собственных предубеждений, эти предубеждения полезно проговаривать – ведь обычно мы даже не подозреваем, что они у нас есть. Если это происходит в команде, то члены команды могут указать друг другу на сомнительные предпосылки, особенно если сознательно занимают позицию адвоката дьявола. Некоторые советы Джервиса сводятся к использованию научного метода фальсификации: полезно заранее спрашивать себя, при каком поведении оппонента мы сочтем нужным скорректировать свои убеждения относительно него? Если ответ «ни при каком», то у нас нет средств против собственного неверного восприятия.

В целом Джервис определенно придерживается фаллибилизма – доктрины, согласно которой любые убеждения могут быть ошибочными, и ценны они только тогда, когда допускают возможность коррекции и совершенствования (Peirce 1960:60). Поэтому его идеал принятия решений – это работа в команде, где приветствуется высказывание собственных убеждений и взаимная критика; такая команда должна помнить о возможности искажений и воздерживаться от радикальных действий в отсутствие исчерпывающих доводов о планах противника. Противоположность такому идеалу – единоличное управление в окружении подпевал, которые боятся возражать начальнику, а сам он убежден в том, что никогда не ошибается (ну, разве что когда чересчур доверяет людям).

Каким бы ни был механизм принятия решений, он в любом случае не может полностью застраховать от воздействия когнитивных искажений. Наше восприятие информации неизбежно селективно и определяется нашими убеждениями и предпочтениями. С одной стороны, это означает, что застраховаться от спирали взаимного непонимания полностью невозможно. С другой стороны, в эпоху тотальной прозрачности это подсказывает нам, что обладание сколь угодно полной информацией само по себе не дает преимуществ – какой бы совершенной ни была разведка, решения все равно будет принимать тот, кто интерпретирует ее данные.

Подход Джервиса, уходящий корнями в теорию игр, оперирует моделью ограниченно-рационального индивида, чья неспособность к адекватному восприятию связана с когнитивными пределами человеческого сознания. Между тем определяющие наше понимание мира убеждения – не просто устройства для упрощения обработки информации, но элементы больших систем: идеологий. Несомненно, когнитивные ограничения во многом объясняют устойчивость идеологий. Однако психологический подход отталкивается от того, что конкуренция между разными верованиями ведется за то, какое из них более эффективно в обработке реальности. Борьба идеологий происходит на ином уровне – выигрывает зачастую не та, которая «лучше» объясняет реальность, чтобы это ни означало¹. Политики не менее, а порой и более, чем кто-либо, подвержены влиянию идеологий, и принимаемые ими внешнеполитические решения являются следствиями этого.

¹ Когнитивная психология традиционно склонна сводить идеологию к индивидуальным установкам и познавательным ограничениям, игнорируя коллективных субъектов как носителей идеологии (Augustinos 1999).

Индивидуалистический подход Джервиса заслоняет противостояние крупных социальных групп, классов, партий, для которых конкретный политик в президентском кресле может быть просто марионеткой. Теория Джервиса создает впечатление, что, если ослабить когнитивные ограничения при принятии решений, эти решения существенно изменятся. Однако многие внешнеполитические процессы детерминированы (сверхдетерминированы) идеологически, так что сам по себе выбор того или иного механизма принятия решений является продуктом идеологии. Например, единоличный способ принятия решений – это не просто механизм претворения идей в реальность, но и результат господства определенных идей по поводу того, как устроена политика, власть, общество. Руководящие политиками убеждения прямо связаны с выбираемым ими способом обработки этих убеждений (демократическим, единоличным, коллегиальным, конфликтным и т. д.).

Тем не менее работа Джервиса позволяет взглянуть на крупные события из прошлого и настоящего международных отношений другими глазами – как на определенные не многовековыми тенденциями, а ситуативными и подчас случайными особенностями взаимного восприятия. Работы Джервиса активно взялся переводить на русский Центр анализа стратегий и технологий (ЦАСТ) – московский think tank, занимающийся вопросами безопасности. Он уже перевел знаменитое кейс-стади Джервиса «Почему разведка терпит неудачу: уроки революции в Иране и войны в Ираке» (2020), которая иллюстрирует многие положения «Восприятия и неверного восприятия», а также сверхактуальную «Значение ядерной революции» (2024). Вскоре выходит в свет перевод работы «System Effects: Complexity in Political and Social Life» (Джервис, в печати).

Издатель относится к наследию Джервиса бережно и с пиететом – «Восприятие и неверное восприятие» переведено вместе с гигантским авторским предисловием к переизданию 2017 года, где Джервис рассуждает, в какой степени новинки в когнитивной психологии могут изменить его центральный аргумент. Русское издание даже в точности воспроизводит обложку англоязычного, а для русского читателя Джервис успел незадолго до смерти написать короткое обращение.

Печальной недоработкой является отказ от поиска научного и художественного редактора для перевода. Несмотря на большой труд переводчика, русский текст читается тяжело и мысль Джервиса передает далеко не всегда. Уже начало первой главы изобилует громоздкими фразами, затрудняющими чтение: «Теория и объяснение не должны заполнять все связи между причиной и следствием – это действительно невозможно. Всегда можно задать вопрос о звеньях между звеньями. Теории высокой плотности не являются автоматически просвещающими или плодотворными» (с. 138). Это практически подстрочный перевод простого соображения Джервиса о том, что нет необходимости искать все звенья причинно-следственной цепи, да это и невозможно; теории, которые к этому стремятся, все необязательно дают что-то новое. Есть много способов передать эту мысль по-русски, но совершенно точно для этого не нужно изобретать сомнительные метафоры вроде «автоматического просвещения» и «теорий высокой плотности». Такой стиль, к сожалению, преобладает в переводе. На соседней странице классик теории международных отношений Кеннет Уолц назван Кеннетом Вальцем, а

еще через страницу канцлер Германии в период Первой мировой войны Теодор фон Бетман-Гольвег потерял дефис. Все эти недочеты элементарно устраняются при редактировании.

И все же качество перевода не должно заслонять символического значения ставки на Джервиса сегодня. В 2022 году, переломном для всей системы международных отношений и для России в частности, ЦАСТ выпускает классическую книгу о том, что многие беды в мировой истории вызваны попросту тем, что люди друг друга не поняли вследствие ограниченности человеческих возможностей. Джервис отнюдь не наивен и не хочет сказать, что между государствами нет противоречий интересов, которые способны порождать конфликты. Однако книга написана в эпоху разрядки, когда обе стороны холодной войны стали склоняться к мирному сосуществованию, и вопрос поиска общего языка и установления доверия встал по-настоящему остро. Сегодня она читается как напоминание, что необязательно поддаваться паранойе и выводить любой конфликт из тысячелетней экзистенциальной вражды, в которой «они нам завидуют и хотят нас уничтожить, и потому мы должны уничтожить их». Зачастую это просто неудачное взаимодействие групп людей, которые ошибочно воспринимают действия друг друга; мы хорошо знаем, как это бывает в повседневной жизни.

Любая война рано или поздно заканчивается, и на выходе из нее требуется новый способ описания отношений между вчерашними врагами. Он должен быть реалистичным и прагматичным, но при этом открывающим дорогу к взаимодействию. Подход Джервиса предлагает такой способ взглянуть на сегодняшние реалии. Возможно, через некоторое время сегодняшний международный кризис будет описан как масштабный кризис взаимного непонимания. Нет сомнений, что многие из наблюдаемых нами в последнее время событий – словно на заказ подобранные иллюстрации к «Восприятию и неверному восприятию».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Джервис, Роберт. 2020. *Почему разведка терпит неудачу: уроки революции в Иране и войны в Ираке*. М.: Центр анализа стратегий и технологий.
- Джервис, Роберт. 2024. *Значение ядерной революции. Управление государством и перспектива Армагеддона*. М.: Центр анализа стратегий и технологий.
- Джервис, Роберт. В печати. *Системные эффекты: Сложность в политической и социальной жизни*. М.: Центр анализа стратегий и технологий.
- Augoustinos, Martha. 1999. "Ideology, False Consciousness and Psychology." *Theory and Psychology* 9(3):295–312. <https://doi.org/10.1177/0959354399093002>.
- Peirce, Charles. 1960. "Notes on Scientific Philosophy." Pp. 50–74 in *Collected Papers*, vols. 1–2. Cambridge, MA: Belknap Press.
- Schelling, Thomas. 1960. *The Strategy of Conflict*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Simon, Herbert. 1955. "A Behavioral Model of Rational Choice." *The Quarterly Journal of Economics* 69(1):99–118. <https://doi.org/10.2307/1884852>.
- Tversky, Amos, and Daniel Kahneman. 1974. "Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases." *Science* 185:1124–1131. <https://doi.org/10.1126/science.185.4157.1124>.